

О. Палыч

Друзья, демоны и диплом

О. Палыч

Друзья, демоны и диплом

«Автор»

2026

Палыч О.

Друзья, демоны и диплом / О. Палыч — «Автор», 2026

Академия чародейства — место, где заклинания соседствуют с зачётками, а демоны встречаются не только в учебниках. Глеб, Паша, Наташа и Алина — студенты, которым предстоит сдать не только экзамены, но и экзамен на прочность: выжить в лесу, кишашем нечистью, разобраться с ментальной связью, случайно созданной в лаборатории, расшифровать древний свиток и сразиться с существом, пожирающим саму магию. А тут ещё дипломная практика, строгие профессора и новое веяние — кибер-магия, которая грозит перевернуть всё с ног на голову. Смогут ли они совместить учёбу, дружбу и спасение мира, не потеряв при этом чувство юмора и друг друга? Продолжение рассказов "Хамелеонья шкура" и "Некромант по вызову"

© Палыч О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Неонилин лес, или Забытые на ужин	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Друзья, демоны и диплом

Неонилин лес, или Забытые на ужин

Список лучших студентов вывешивали дважды в год — в декабре и в июне. Впервые Глеб попал в список в конце второго курса. Прошлый декабрьский он благополучно пропустил: тогда его фамилия болталась где-то в середине общего рейтинга, не цепляя ни «лучших», ни «худших». Зато потом, к летней сессии, всё изменилось (не в последнюю очередь благодаря успешному вызволению призрака декана Корфа из двухсотлетнего заточения в чернильнице). И вот уже третий раз Глебу удавалось попасть в двадчатку лучших студентов.

Он стоял в главном холле Академии, задрав голову, и разглядывал пергаментный свиток, приколотый к дубовой доске зачарованными кнопками. Свиток мягко светился — чтобы даже в полумраке коридора можно было прочесть имена избранных.

Сомов Аркадий, 5 курс

Вэй Лина, 4 курс

Дубровская Анна, 5 курс

Вересов Глеб, 3 курс

...

Дальше Глеб читать не стал. Четвёртое место. Четвёртое! Из всего потока! Он хмыкнул, засунул руки в карманы мятой студенческой мантии и постарался придать лицу выражение «ну, я этого ожидал, ничего особенного». Получалось плохо — уголки губ предательски ползли вверх.

— Сомов опять первый, — пробормотал он себе под нос. — Зубрила. Спорим, он даже спит с конспектами.

— Ты что-то сказал?

Глеб обернулся. Рядом с ним стояла девушка, которую он раньше не замечал. Первокурсница — это было видно по новенькой, ещё не обтрёпанной мантии и по тому особому выражению глаз, какое бывает только у тех, кто провёл в Академии меньше года. Взгляд цепкий, оценивающий, немного настороженный. Светлые волосы — длинные, сейчас собранные в небрежный хвост — отливали платиной в лучах магических светильников.

— Я говорю: Сомов — зубрила, — повторил Глеб. — Ты с ним знакома?

— Нет, — девушка скользнула взглядом по списку. — Я вообще тут ни с кем не знакома. Я с первого курса. Просто подошла посмотреть, с кем меня отправляют в лес.

— Так это ты та самая первокурсница, которая попала в двадчатку? — Глеб присвистнул. — Не помню, чтобы на первом курсе кто-то пробивался в лучшие. Слушай, это круто. Поздравляю.

— Спасибо, — девушка кивнула, но без особого энтузиазма. — Хотя я пока не понимаю, радоваться или огорчаться. Лес, нечисть, какая-то Неонила Вахтанговна... Звучит как название фильма ужасов.

— Неонила Вахтанговна — это легенда, — авторитетно заявил Глеб. — Она старая, толстая, ходит с посохом и говорит басом. Но своё дело знает. Я с ней ездил уже два раза. Если её слушаться, всё будет нормально.

— Ты уже два раза ездил?.. — девушка впервые посмотрела на него с чем-то похожим на интерес. — И как?..

— Весело, — Глеб ухмыльнулся. — В первый раз я чуть не утонул в болоте. Во второй — случайно поджёг вольер с бесами. Но это мелочи. Главное — практика. Живая, настоящая, не то что в аудиториях.

Девушка поморщилась.

— Звучит как «весело» в кавычках.

— Так и есть, — не стал спорить Глеб. — Я, кстати, Глеб Вересов. Третий курс.

— Наташа Снегирёва, первый курс, — она протянула руку, и Глеб машинально её пожал. Ладонь у Наташи была узкая, прохладная, с аккуратным маникюром. — Только давай сразу на «ты». Терпеть не могу эти академические церемонии.

— Договорились. Тем более что мы вроде и так уже на «ты».

Глеб ещё раз окинул её взглядом — теперь уже более внимательно. Красивая. Очень красивая, если честно. Высокий лоб, вздёрнутый носик, пухленькие, слегка "хомячьи" щеки (обычно не Бог весть какая красота, но конкретно этой девушке они прямо шли), глаза — он пока не разобрал какого цвета, но явно светлые. И эта манера держаться — прямая спина, расправленные плечи, чуть вздёрнутый подбородок. Не красуется, нет. Просто так привыкла.

— Ну что, Наташа, — сказал он. — Раз уж мы теперь на «ты» и оба едем в лес, может, будем держаться вместе? Я, знаешь ли, опытный. Могу показать, где там что.

Наташа посмотрела на него долгим взглядом. Потом уголки её губ чуть дрогнули — не то усмешка, не то улыбка.

— Ты всем первокурсникам предлагаешь «показать, где что»?

Глеб поперхнулся.

— Нет! То есть... я вообще-то хотел помочь...

— Я пошутила, — перебила Наташа, и теперь она улыбалась уже по-настоящему — едва заметно, но всё же. — Ладно, Глеб. Покажешь, где что. Если, конечно, Неонила Вахтанговна не решит иначе.

Она развернулась и пошла по коридору, оставив Глеба стоять с открытым ртом. Мантия развевалась за её спиной, каблучки негромко цокали по каменному полу.

— Интересная девушка, — пробормотал Глеб.

И, сам того не замечая, улыбнулся.

...Автобус ждал у восточных ворот Академии. Это был старенький, но крепкий «Икарус», принадлежавший кафедре нечистеведения. На боку красовалась выцветшая надпись «Академия Чародейства — Экспедиционный», а под ней кто-то из студентов пририсовал маркером улыбающуюся рожицу с рогами.

Когда Глеб подошёл к автобусу, там уже собралась почти вся двадцатка. Сомов стоял в стороне, листая какой-то толстенный справочник. Лина и Анна, две старшекурсницы, обсуждали что-то вполголоса. Ещё несколько человек толпились у багажного отсека, закидывая рюкзаки. Увы, Паша здесь отсутствовал - его друг (тоже, естественно, попавший в лучшие студенты) весьма невовремя приболел.

Наташа стояла чуть в стороне — та же прямая спина, тот же оценивающий взгляд. Увидев Глеба, она кивнула:

— Не опоздал. Уже плюс.

— Я вообще-то никогда не опаздываю, — соврал Глеб.

— Почему-то я тебе не верю.

Глеб хотел возразить, но тут двери автобуса распахнулись и на подножке появилась Она.

Неонила Вахтанговна была именно такой, какой её описывали студенческие легенды. Огромная — не просто полная, а монументальная, как египетская пирамида, только в мантии. Её лицо, изрезанное глубокими морщинами, напоминало карту древнего горного хребта. Глаза — маленькие, чёрные, невероятно живые — смотрели на студентов с выражением сурового, но доброжелательного скепсиса. В одной руке она держала посох — тяжёлый, тёмного дерева, с навершием в виде головы не то волка, не то медведя, не то чего-то среднего. Посох при каждом шаге глухо стучал по асфальту.

— Здравствуйте, юные дарования, — произнесла она низким, рокошующим голосом, который совершенно не вязался с её возрастом. — Вернее, здравствуйте, лучшие из юных дарова-

ний. Остальные ваши коллеги сейчас мирно дрыхнут в общежитии или зубрят то, что не успели вызубрить за семестр. Вы же отправляетесь в лес.

Она обвела группу взглядом.

— Кто из вас впервые?

Поднялось несколько рук. В том числе — Наташина.

— Отлично, — Неонила Вахтанговна удовлетворённо кивнула. — Первый раз — он как первая любовь: страшно, непонятно, но без него никуда. Слушайте меня внимательно. Лес, в который мы едем, — не парк аттракционов. Там собраны образцы нечисти со всех континентов. Некоторые из них — вполне безобидны при дневном свете. Некоторые — опасны всегда. А есть и такие, что ночью превращаются в сущих демонов. Поэтому главное правило: слушаться меня, слушаться егерей, не отходить от группы и не геройствовать. Геройство — это прямой путь в лазарет. Или в морг. Кому что больше нравится.

— А кому что больше светит? — тихо спросила Наташа, наклонившись к Глебу.

— Мне в прошлый раз светил лазарет, — так же тихо ответил Глеб.

— Молодые люди! — рявкнула Неонила Вахтанговна, и оба вздрогнули. — Если у вас есть вопросы — задавайте вслух. Если нет — молчите. Шептаться за моей спиной — дурной тон.

— Вопросов нет, — хором ответили Глеб и Наташа.

— Вот и славно. По местам.

В автобусе Глеб, недолго думая, сел рядом с Наташей. Она покосилась на него, но ничего не сказала — только чуть подвинулась к окну, освобождая место.

— Значит, так, — начал Глеб, когда автобус тронулся. — Сейчас ехать примерно два часа. Сначала город, потом лес. У заповедника нас встретят егеря. Это такие суровые мужики с артефактными ружьями. Их бояться не надо, а вот слушаться — обязательно.

— Я в курсе, — сухо сказала Наташа. — Я читала памятку.

— Памятку?..

— Которую раздали всем участникам. Ты что, не читал?

Глеб потёр затылок. Памятку он действительно видел — кажется, использовал её как подставку под кружку с чаем.

— Я... э-э-э... предпочитаю практическое обучение.

— То есть ты даже не знаешь, кто именно водится в этом лесу?

— Ну, там всякое водится. Болотники, мавки, упыри, бесы-пакостники... Обычный набор.

— А василиски? — в голосе Наташи прозвучало что-то новое.

— Что — василиски?

— В памятке сказано, что в заповеднике есть василиск. Европейский горный подвид. Взглядом не убивает, но парализует на несколько часов. И он активен в сумерках.

Глеб помолчал.

— Этого я не знал.

— Вот именно, — Наташа отвернулась к окну. — Поэтому, может быть, ты не будешь раздавать советы, пока сам не разберёшься?..

Глеб открыл рот, чтобы возразить, но осёкся. Что-то в тоне Наташи — не злое, скорее усталое — заставило его промолчать.

Ладно, подумал он. Хочет быть самостоятельной — пусть. Лес сам всё расставит по местам.

...Заповедник начинался внезапно. Только что за окнами автобуса тянулся обычный смешанный лес — сосны, берёзы, кусты орешника, — и вдруг деревья расступились, открывая высокий забор из металлической сетки. Поверху шла колючая проволока. Через каждые сто

метров стояли столбы с предупреждающими табличками: «Осторожно! Охраняемая территория!», «Посторонним вход запрещён!», «Не кормить нечисть!».

— Последнее — особенно важно, — раздался с переднего сиденья голос Неонила Вахтанговны. — Некоторые экземпляры выглядят настолько жалобно, что рука сама тянется угостить их печеньем. Не поддавайтесь. Один студент в позапрошлом году скормил болотнику полпачки «Юбилейного». Болотник после этого неделю икал, а студент неделю лечился от контактной экземы.

Автобус затормозил у ворот. Навстречу вышел человек в пятнистой куртке, с артефактным ружьём за плечом. Лицо у него было обветренное, с глубокими складками у рта, глаза — прищуренные, как у всех, кто много времени проводит под открытым небом.

— Степаныч! — Неонила Вахтанговна грузно спустилась по ступенькам. — Ну, как у вас тут?

— Порядок, Неонила Вахтанговна, — егерь кивнул. — Вольеры проверили, барьеры подпитали. Нечисть ведёт себя смирно. Ну, почти.

— Что значит «почти»?

— Да бес-пакостник опять разбушевался. Третий вольер. Вчера утащил у практиканта шапку, пришлось отнимать.

— Отняли?..

— Отняли. Шапку тоже.

Неонила Вахтанговна хмыкнула и повернулась к студентам, которые уже выбрались из автобуса и теперь озирались по сторонам с тем особенным выражением, какое бывает у городских жителей, впервые попавших в настоящий лес.

— Итак, юные дарования. Сейчас мы разбиваемся на пары и расходимся по точкам. Точки оборудованы, егеря проинструктированы. Ваша задача — применить на практике те знания, которые вы получили в аудиториях. Если вы учились хорошо, всё пройдёт гладко. Если плохо...

Она сделала паузу, обвела группу тяжёлым взглядом.

— ...то вы хотя бы узнаете, как выглядит настоящая опасность. Тоже полезный опыт.

Студенты зашептались. Сомов, разумеется, уже объединился в пару с Линой — две ходячие энциклопедии нашли друг друга. Остальные тоже как-то быстро распределились.

Глеб огляделся. Наташа стояла в стороне — и, кажется, никто не спешил брать её в пару. То ли потому, что первокурсница, то ли потому, что выражение её лица не располагало к знакомству.

— Похоже, я с тобой, — сказал Глеб, подходя. — Если ты не против.

— У меня есть выбор?..

— Вообще-то нет. Остальные уже разобрались.

— Тогда чего спрашиваешь? — Наташа поправила лямку рюкзака. — Идём. Только учти: если ты опять начнёшь давать непрошенные советы, я за себя не ручаюсь.

— Понял, — Глеб поднял руки. — Молчу. Только одно...

— Что?

— У тебя каблук.

Наташа опустила глаза. На ней действительно были сапожки на небольшом, но всё же каблуке.

— И что?

— Мы в лес идём. Там, знаешь ли, не асфальт. Корни, грязь, болото местами.

— Я не планировала гулять по болоту, — холодно сказала Наташа. — Я думала, практика — это что-то вроде... ну, показательных выступлений. Стоишь на полянке, колдуешь по команде.

Глеб не выдержал и рассмеялся.

— Ох, Наташа. Ты явно никогда не была на полевой практике.

— А ты явно никогда не носил каблуки, — парировала она. — Ладно, идём. Разберёмся.

И она зашагала к лесу — прямая, решительная, совершенно не готовая к тому, что её ждало.

Лес встретил их запахом хвои, сырой земли и чего-то ещё — едва уловимого, тревожного, что Глеб про себя называл «запахом магии». Обычный человек его бы не почувствовал, но студент Академии — тем более третьекурсник, уже нюхавший порох, — улавливал мгновенно.

Первая точка располагалась в низине, у небольшого заболоченного пруда. Егерь — молодой парень, представившийся Максимом, — ждал их у деревянного настила.

— Болотник, — коротко сказал он, кивая на мутную воду. — Вон там, под корягой. Задача: выманить, нейтрализовать, загнать обратно. Вода холодная, так что не купаться.

— Я первый, — сказал Глеб, закатывая рукава.

— Почему это ты? — Наташа вскинула бровь. — Я, между прочим, тоже хочу попрактиковаться.

— Ты когда-нибудь болотников нейтрализовывала?

— Нет. Но я читала.

— «Читала» и «делала» — это, знаешь ли, разные вещи.

— Вот сейчас и узнаю, насколько разные.

Наташа отстранила Глеба и шагнула к воде — решительно, но Глеб заметил, как на мгновение дрогнули её пальцы, комкавшие край мантии, прежде чем она вскинула руку для заклинания. Заклинание она построила безупречно — Глеб вынужден был это признать. Жест, формула, выброс энергии — всё было чётко, как на экзамене. Болотник, лениво дремавший под корягой, взвился в воздух, зашипел, завертелся волчком и плюхнулся обратно в воду, подняв фонтан мутных брызг.

Брызги полетели в сторону практикантов. Глеб успел прикрыться локтем. Наташа — нет.

— Фу! — она отшатнулась, разглядывая мантию. — Это что?! У меня вся мантия в... в болоте!

— Это ил, — спокойно сказал егерь. — Болотная грязь. Полезная для кожи, между прочим.

— Я не хочу, чтобы моя кожа была полезной! Я хочу, чтобы моя мантия была чистой!

Глеб, отряхиваясь, усмехнулся.

— Ну, зато болотник нейтрализован. С первого раза. Для новичка — очень неплохо.

— Я не новичок, — процедила Наташа, безуспешно пытаясь оттереть пятно. — Я лучшая на курсе по теории нечисти.

— Теория — это одно. А болото — другое.

Наташа метнула в него испепеляющий взгляд. Глеб благоразумно отступил на шаг.

Вторая точка оказалась ещё «веселее». Мавка.

Она сидела на поваленном дереве — с виду обычная девушка, только очень бледная, с распущенными зелёными волосами и неестественно большими глазами. При виде студентов она улыбнулась — мягко, печально, зазывно.

— Какие милые молодые люди, — пропела она. — Идите ко мне. У меня так холодно... так одиноко...

— Чары, — коротко сказал егерь. — Не поддаваться. Нейтрализовать стандартным отталкивающим.

Глеб уже открыл рот, чтобы предложить свою кандидатуру, но Наташа его опередила:

— Я!

— Ты уверена? — засомневался Глеб. — Мавка — это не болотник. Она бьёт по голове. В прямом смысле. Если поддашься чарам — утянет в овраг.

— Я не поддамся, — отрезала Наташа.

Она вышла вперёд. Мавка повернула голову, скользнула по ней взглядом — и улыбнулась ещё шире.

— Какая красавица. Иди ко мне, красавица. Поговорим. Ты ведь тоже одинока, правда? Тебя никто не понимает...

Наташа замерла. Глеб заметил, как дрогнули её пальцы. Он напрягся. Если первокурсница сейчас поплывёт — придётся вмешиваться.

— Меня многие не понимают, — медленно сказала Наташа. — Но ты, прости, вообще дура.

Мавка опешила. Это длилось долю секунды — но Наташе хватило. Отталкивающее заклинание сорвалось с её пальцев, ударило мавку в грудь, и та, взвизгнув, кубарем покатилась в овраг.

— Ого, — сказал егерь.

— Ого, — эхом отозвался Глеб. — Слушай, а ты... это... молодец.

Наташа поправила волосы, упавшие на лицо.

— Я же говорила. Лучшая по теории.

— Но мавку ты обозвала душой. Это из какого раздела теории?

— Из раздела «психология противника», — не моргнув глазом ответила Наташа. — Импровизация. Не всё же по учебнику.

Глеб расхохотался. Наташа, помедлив, улыбнулась тоже. Впервые за день — по-настоящему, без иронии.

...К обеду Глеб начал подозревать, что Наташа ему нравится.

Это было странное чувство. Обычно девушки, которые ему нравились, были... ну, другими. Более мягкими, что ли. Более улыбчивыми. Наташа же была полной противоположностью. Она язвила, жаловалась, закатывала глаза и всем своим видом показывала, что происходящее ей глубоко неприятно. Но при этом...

При этом, когда они сидели у костра на обеденном привале, и пламя бросало золотистые блики на её лицо, она вдруг становилась другой. Мягче. Тише. Её волосы, сейчас распущенные, струились по плечам и отливали платиной. Глаза — серые, как выяснилось, — смотрели на огонь с каким-то задумчивым, почти печальным выражением.

И Глеб вдруг поймал себя на мысли, что хочет её рассмешить. Не язвительно, как она сама умела, а по-настоящему. Чтобы исчезла эта вечная складка между бровей и она стала бы просто красивой девушкой у костра.

— Слушай, — сказал он, — а почему ты вообще пошла в Академию?

— Потому что у меня способности, — пожала плечами Наташа. — И потому что родители решили, что это престижно.

— А тебе самой нравится?

Она помедлила с ответом.

— Нравится, — сказала она наконец. — То есть... нравится учиться. Нравится понимать, как устроена магия. Нравится, когда получается. Но вот это всё... — она обвела рукой лес, костёр, дым, комаров. — Это не моё. Я — кабинетный работник. Теоретик. Я хочу сидеть в лаборатории, а не бегать по болотам.

— Лабораторная работа — это тоже важно, — согласился Глеб. — Паша, мой друг — он тоже из лучших студентов, просто приболел и оттого не поехал — тоже любитель... кабинетной работы. Но понимаешь... есть вещи, которые нельзя понять за столом. Только здесь. Когда стоишь по колено в грязи, а на тебя прёт упырь. И ты должен за доли секунды вспомнить, чему тебя учили. И применить. Правильно. С первого раза.

— Звучит как армейская муштра.

— Ну... примерно. Но без этого никак. Магия, она ведь не только в книгах. Она вот здесь, — он постучал себя по груди. — И здесь, — по виску. — И пока ты не попробуешь её в деле, ты не узнаешь, на что способна.

Наташа задумалась. Пламя отражалось в её глазах.

— Может быть, ты и прав, — сказала она негромко. — Но мне всё равно здесь не нравится.

После обеда они двинулись дальше. Третья точка — бес-пакостник. Самое, по мнению Глеба, весёлое испытание.

Бес сидел в просторном вольере, похожем на курятник, только с магическими барьерами вместо сетки. Это было небольшое, юркое существо размером с кошку, покрытое короткой серой шерстью, с длинным хвостом и глазами-бусинками, в которых светилось чистейшее, незамутнённое хулиганство.

— Ваша задача — поймать его в магическую ловушку, — объяснил егерь. — Бес шустрый. Ловушку нужно ставить не там, где он есть, а там, где он будет через секунду. Думайте наперёд.

— Я первый, — вызвался Глеб. — Я этих ребят уже ловил. Знаю их повадки.

Он вошёл в вольер. Бес тут же заметил чужака, подпрыгнул на месте, издал тонкий свист и принялся носиться кругами — просто так, из любви к движению.

Глеб прищурился. Выждал момент — и поставил ловушку ровно там, где бес оказался мгновением позже. Существо с разбегу влетело в магическую клетку, заверещало, забилося, потом затихло и обиженно уставилось на обидчика.

— Хорошая работа, — кивнул егерь.

— Ничего особенного, — скромно сказал Глеб, хотя ему было приятно. Он покосился на Наташу — оценила ли?

Наташа смотрела на беса. Тот сидел в клетке с видом оскорблённого достоинства и что-то тихо бормотал — кажется, ругательства на своём бесовьем языке.

— Он похож на моего кота, — вдруг сказала Наташа. — Когда кот хочет есть.

— У тебя есть кот?

— Был. В детстве. Такой же наглый.

Глеб хотел сказать что-то ещё, но Наташа уже повернулась к егерю:

— Я тоже хочу попробовать.

Второго беса выпустили из соседнего загона. Этот оказался ещё шустрее. Наташа попыталась применить ту же тактику, что и Глеб, — но бес, словно издеваясь, в последний момент менял направление. Раз за разом её ловушки срабатывали впустую.

— Да стой же ты! — в сердцах воскликнула она.

Бес показал ей язык и ускакал в угол.

— Не получается? — спросил Глеб.

— Сам видишь, — огрызнулась Наташа. — Это не бес, это... это дьявол какой-то!

— Просто он чувствует твоё напряжение. Расслабься. Не думай о том, где он. Думай о том, куда он хочет попасть.

Наташа глубоко вздохнула. Прикрыла глаза. Сделала пасс — на этот раз медленный, плавный.

Ловушка возникла прямо перед носом у беса. Тот, не успев затормозить, врезался в неё и повис в воздухе, суча лапками.

— Есть! — выдохнула Наташа.

— Молодец, — Глеб улыбнулся. — С пятого раза. Почти рекорд.

— Ты издеваешься?

— Немного. Но серьёзно — прогресс налицо.

Наташа выбралась из вольера, отряхивая мантию. Вид у неё был усталый и раздражённый.

— Ненавижу бесов, — заявила она. — Ненавижу лес. Ненавижу комаров. И знаешь что?

— Что?

— Этот дурацкий бес укусил меня за палец.

Глеб посмотрел на её руку. Действительно, на указательном пальце краснела маленькая ранка.

— Это не страшно, — сказал он. — Бесы не ядовитые. Просто промой и заклей пластырем.

— У меня нет пластыря.

— У меня есть.

Он порылся в рюкзаке, нашёл аптечку, выудил пластырь. Наташа взяла его, буркнула «спасибо» и принялась заклеивать палец.

— Ну вот, — сказал Глеб. — Теперь у тебя боевое ранение. Будешь показывать подругам.

— У меня нет подруг.

— Совсем?

— В Академии — нет. Я не очень... общительная. — Она закончила с пластырем и подняла глаза. — Тебя это удивляет?

Глеб подумал.

— Немного. Ты вроде нормальная. Только...

— Что?

— Ну... ты иногда ведёшь себя так, будто все вокруг тебя бесят.

— Потому что меня все вокруг бесят, — спокойно ответила Наташа. — И это обычно взаимно.

Глеб хотел было возразить, но осёкся. Что-то в её голосе — не агрессия, а скорее глухая усталость — остановило его. Он вдруг увидел перед собой не язвительную всезнайку, а просто девушку. Первокурсницу. В лесу. С искусанным пальцем и в грязной мантии.

— Ладно, — сказал он. — Пойдём. Там ещё две точки.

Наташа кивнула и молча пошла за ним.

И вот тут, на тропинке между третьей и четвёртой точками, Глеб вдруг поймал себя на мысли, что они с Наташей — две ходячие противоположности. Она — мантия с иголки и теория по учебнику. Он — мятая мантия и «разберёмся по ходу». А ещё он подумал, что именно такие противоположности, вопреки всему, иногда и притягиваются.

— О чём задумался? — спросила Наташа, обернувшись.

— О практике, — соврал Глеб. — Идём, нас ждут.

...К вечеру все двадцать студентов собрались у центральной поляны — там, где утром их высадил автобус. Вид у большинства был усталый, но довольный. Сомов и Лина обсуждали какую-то сложную схему нейтрализации. Анна Дубровская сидела на пеньке и массировала виски — у неё, кажется, разболелась голова после контакта с мавкой.

Глеб и Наташа подошли последними. Бес на последней точке снова сбежал, и им пришлось гоняться за ним по всему вольеру. В результате оба вымазались в грязи с ног до головы.

— Выглядите, как болотники, — прокомментировал Сомов.

— Спасибо за комплимент, — огрызнулась Наташа.

Неонила Вахтанговна, сидевшая на раскладном стульчике (который каким-то чудом выдерживал её монументальную фигуру), поднялась и обвела группу взглядом.

— Ну что ж, юные дарования. Практика окончена. Все живы, все целы, кое-кто даже научился ловить бесов с пятой попытки.

Наташа покраснела. Глеб усмехнулся.

— Сейчас садимся в автобус и едем обратно, — продолжила Неонила Вахтанговна. — По дороге можете спать, перекусывать или обмениваться впечатлениями. Главное — не мешайте водителю. Отправление через двадцать минут, далеко не отходить.

Студенты начали грузиться в автобус. Глеб и Наташа отошли к колодцу — смыть с себя хотя бы часть грязи.

— Успеем, — бросил Глеб, налегая на ворот. — Двадцать минут — вагон времени.

Именно тогда, когда оба склонились над ведром и шум воды перекрыл все остальные звуки, воздух прорезал низкий, вибрирующий гул. Магический резонанс. Глеб выпрямился, стряхивая капли с лица.

— Что это? — Наташа замерла с мокрыми ладонями.

— Прорыв. Быстро к автобусу!

Схватив рюкзак, он рванул к поляне, не оборачиваясь. Наташа, путаясь в мокрой мантии, побежала следом. Впереди, у дома егерей, уже гремели голоса: Степаныч с ружьём выкрикивал приказы, еще двое егерей бежали к лесу.

— Что случилось?! — Неонила Вахтанговна тяжело спустилась с подножки, перекрывая своим басом шум.

— Прорыв на пятом секторе! Крупная тварь, барьер не держит! Уезжайте, Неонила Вахтанговна, сейчас тут будет жарко!

— Студенты! — Она обернулась к автобусу. — Все на местах? Из салона донеслось нестройное «Да!», но в этот самый миг со стороны пятого сектора раздался такой рёв, что стёкла автобуса жалобно задребезжали. Один из егерей, вскинув ружьё, заорал: «Быстрее! Уходит барьер! Гони, Неонила, гони!» — и в суматохе, перекрывая крики, Степаныч махнул рукой в сторону колодца, где, как ему показалось, уже никого не было. Водитель, не дожидаясь повторной команды, вдавил педаль, двери с шипением захлопнулись сами — сработала аварийная блокировка, — и автобус рванул с места. Глеб и Наташа выскочили на поляну в тот самый миг, когда красные габаритные огни мигнули и скрылись за первым же поворотом.

— Стойте! — заорал Глеб, но рёв мотора сожрал крик целиком. Наташа, задыхаясь, только взмахнула рукой — и тоже напрасно.

— Они уехали, — выдохнула она, когда шум стих, оставив только звон комаров.

— Уехали, — эхом подтвердил Глеб.

— Без нас.

— Без нас. Пауза.

— Твою ж... — начала Наташа, но Глеб её перебил:

— Не надо. Я и так понял.

Из леса, со стороны пятого сектора, донёсся протяжный вой. Он был низким, гортанным, и в нём слышалось что-то такое, от чего волосы на затылке вставали дыбом.

Глеб и Наташа переглянулись.

— Это не волк, — тихо сказала Наташа.

— Знаю.

Вой повторился — ближе.

— И что теперь? — спросила Наташа. Голос у неё дрогнул — впервые за весь день.

Глеб огляделся. Пустая поляна. Темнеющее небо. Дорога, по которой уехал автобус. И лес вокруг — чужой, враждебный, наполненный шорохами и тенями.

— Теперь, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, — мы пойдём пешком.

— Пешком?! — Наташа всплеснула руками. — До Академии?!

— До станции. Это километров пятнадцать. Если идти быстро — к утру будем на месте.

— Пятнадцать километров?! По лесу?! Ночью?! На каблуках?!

Глеб посмотрел на её сапожки. Потом на Наташу. Потом снова на сапожки.

— Насчёт каблуков ты, кажется, уже поняла.

— Я поняла, что я дура! — выкрикнула Наташа. — И что ты дурак! И что все дураки! Кроме меня! То есть... тьфу!

Глеб не выдержал и рассмеялся. Нервно, коротко, но всё же.

— Ладно. Идём. Пока эта тварь далеко.

— А если она близко?

— Тогда тем более идём. Очень быстро.

Он включил «вечный» фонарик — старый, потёртый, но надёжный. Луч света прорезал сгущающиеся сумерки. О том, что свет может привлечь тварь, Глеб старался не думать — опасность сломать ногу казалась более насущной. Особенно учитывая, что кое-кто собирался идти по лесу на каблуках.

— Держись рядом, — сказал Глеб. — И постарайся не шуметь. Ночной лес — это не дневной. Здесь другие правила.

— Какие? — тихо спросила Наташа.

— Главное правило: если ты кого-то видишь, это не значит, что он тебя ещё не видит.

Наташа судорожно вздохнула и придвинулась ближе.

— Я боюсь, — сказала она.

Глеб не стал шутить. Просто кивнул.

— Я тоже.

И они шагнули в темноту.

...Лес ночью — это совсем не то же самое, что лес днём.

Днём он казался просто диковатым парком с магическими вольерами: чирикали птицы, светило солнце, а нечисть сидела за барьерами и вела себя примерно. Ночью же барьеры куда-то исчезали. Вернее, они, конечно, оставались на месте — но ощущение безопасности, которое они давали, растворялось без следа.

Глеб шёл первым. Луч фонарика выхватывал из темноты то корявый ствол, то замшелый валун, то странный силуэт, который при ближайшем рассмотрении оказывался просто кустом. Наташа шагала следом, стараясь не отставать, но каблуки то и дело вязли в мягкой лесной подстилке.

— Ненавижу, — бормотала она себе под нос. — Ненавижу лес. Ненавижу темноту. Ненавижу каблуки. Ненавижу автобусы. Ненавижу...

— Ты там целый список составляешь?.. — не оборачиваясь, спросил Глеб.

— Не мешай. Я медитирую.

— Медитируешь?..

— Да. Перечисляю всё, что ненавижу. Очень успокаивает.

Глеб хмыкнул.

— И много уже набралось?

— Сорок семь пунктов. Хочешь послушать?

— Лучше не надо. Боюсь, я там тоже есть.

— Ты — сорок восьмой, — мрачно сообщила Наташа. — Поздравляю.

Они прошли ещё метров триста, прежде чем случилась первая неприятность.

Наташа вдруг вскрикнула и схватила Глеба за рукав.

— Там! — она ткнула пальцем куда-то вбок. — Там кто-то есть!

Глеб направил фонарь. В круге света блеснули два жёлтых глаза. Потом раздался шорох, и что-то небольшое, размером с собаку, метнулось в кусты.

— Всего лишь лиса, — сказал Глеб.

— Просто лиса?.. В лесу, кишашем нечистью?.. Ты уверен?..

— Ну... почти.

— «Почти» меня не устраивает!

— Наташа, — Глеб повернулся к ней. — Послушай. Я понимаю, ты нервничаешь. Но если ты будешь кричать на каждый шорох, мы до утра и километра не пройдем. Дыши глубже. И постарайся думать о чём-нибудь хорошем.

— Наташа, — Глеб повернулся к ней. — Послушай. Я понимаю, ты нервничаешь. Но если ты будешь кричать на каждый шорох, мы до утра и километра не пройдем. Дыши глубже. И постарайся думать о чём-нибудь хорошим.

— Ну... о том, что Неонила Вахтанговна нас уже навернякахватила и скоро пришлёт помощь.

— Ты правда в это веришь?

Глеб помолчал.

— Нет, — честно сказал он. — Но это помогает.

Наташа издала звук, средний между смехом и стоном, и двинулась дальше.

...Вторая неприятность оказалась серьёзнее.

Тропа, по которой они шли, вдруг начала петлять. Сначала Глеб не придал этому значения — лесные тропы вообще редко бывают прямыми. Но потом он заметил, что деревья вокруг сменились: вместо сосен и берёз пошли чахлые осины, а земля под ногами стала мягкой, чавкающей.

— Стоп, — сказал он.

— Что?

— Болото.

— Какое ещё болото? — Наташа огляделась. — Тут нет никакого...

Она осеклась. Впереди, среди деревьев, замерцали огоньки. Бледные, голубоватые, они висели в воздухе на высоте человеческого роста и медленно покачивались, словно подзывая к себе.

— Что это? — прошептала Наташа.

— Болотные огни, — тихо ответил Глеб. — Не смотри на них. Они заманивают.

— Я и не смотрю.

— Смотришь.

— Нет!

— У тебя глаза вон как блестят.

Наташа с усилием отвела взгляд.

— И что теперь?

— Обходим. Медленно. Не наступая на мокрое.

Они двинулись в обход. Глеб светил фонариком под ноги, стараясь не замечать, как огоньки — теперь их стало больше — перемещаются следом. Один из них подплыл совсем близко, и Глеб услышал тихий, вкрадчивый шёпот:

— Иди сюда... здесь тепло... здесь сухо...

— Заткнись, — буркнул Глеб.

— Что? — спросила Наташа.

— Это не тебе.

Огонёк обиженно отплыл.

Они обошли трясину и выбрались на твёрдую землю. Глеб перевёл дух.

— Ну вот. А ты боялась.

— Я и сейчас боюсь, — призналась Наташа. — Но... знаешь, что странно?

— Что?

— Ты сказал «заткнись» болотному огню. И он заткнулся. Я бы до такого не додумалась.

Глеб пожал плечами:

— А как же "Психология противника"?.. Мавку дурой же ты догадалась обозвать.

— Так то учебное задание...

— Ну мы-то учимся, чтобы применять это при реальной опасности. И да, иногда грубость действительно работает лучше вежливости. Особенно с нечистью.

— Я возьму на заметку, — серьёзно сказала Наташа.

...Третья неприятность не заставила себя ждать.

Они вышли на небольшую поляну, посреди которой стоял старый, замшелый дуб. Ветви его были голые, корявые, и в свете фонарика они напоминали скрюченные пальцы. Под дубом кто-то сидел.

— Там человек, — сказала Наташа.

— Это не человек.

— Почему ты...

Человек под дубом поднял голову. Его лицо было серым, как прошлогодняя листва. Глаза — пустые, без зрачков. Рот приоткрылся, и оттуда донёсся низкий, утробный стон.

— Упырь, — выдохнул Глеб.

Существо поднялось. Двигалось оно рывками, неестественно, словно марионетка, которую дёргает неумелый кукловод. От него пахло сырой землёй и чем-то сладковато-гнилостным.

— Что делать? — голос Наташи дрогнул.

— Нейтрализовать, — Глеб начал собирать импульс. — Стандартное заклинание, я показывал...

Но Наташа его опередила.

Она вскинула руку, и с её пальцев сорвался узкий, ослепительно-белый луч. Он ударил упыря в грудь, и тот замер. Потом его тело пошло трещинами, из которых полился мертвенный свет. Секунда — и упырь рассыпался облаком пепла.

Глеб присвистнул.

— Ого. А ты, оказывается, умеешь не только жаловаться.

— Я вообще много чего умею, — Наташа тяжело дышала. — Просто предпочитаю делать это в комфортных условиях. — Она опустила руку. — А в некомфортных... тоже могу. Когда прижмёт.

— Ты его испепелила. С одного удара. Я, если честно, впечатлён.

— Правда?

— Правда.

Наташа посмотрела на кучку пепла, оставшуюся от упыря, и вдруг нервно хихикнула:

— Кажется, я испортила ему причёску.

— Это была его голова.

— Тем более.

Глеб расхохотался. Наташа — тоненько, с истерическими нотками — засмеялась тоже. Они стояли посреди ночной поляны, над останками упыря, и смеялись — просто потому, что нервы были на пределе и нужно было куда-то выплеснуть напряжение.

— Ладно, — отсмеявшись, сказал Глеб. — Идём. Упыри редко ходят поодиночке.

— Ты серьёзно?!

— Вон, слышишь?

Из леса доносился шорох. Множество ног — или лап? — шуршали по прошлогодней листве. И среди этого шороха — новые стоны.

— Бежим, — сказал Глеб.

И они побежали.

...От упырей они оторвались только через полчаса.

Глеб, задыхаясь, рухнул на поваленное дерево. Наташа опустилась рядом — прямо на землю, даже не пытаясь подстелить что-нибудь. Ей, кажется, было уже всё равно.

— Никогда... — выдохнула она, — никогда в жизни... я столько не бегала.

— А я и не знал, что ты умеешь бегать на каблуках.

— Я тоже не знала. Оказывается, страх — отличный тренер.

Глеб усмехнулся, вытащил из рюкзака флягу с водой, сделал глоток и протянул Наташе. Она взяла, кивнула благодарно.

Некоторое время они сидели молча. Потом Глеб сказал:

— Нам нужен привал. Хотя бы полчаса. Иначе до утра не дотянем.

— Я — за.

Глеб развёл магический костёр — небольшой, безопасный, не привлекающий внимания. Пламя было почти невидным и практически не давало дыма, но тепла хватало.

Наташа сидела, обхватив колени руками, и смотрела в огонь. Волосы у неё растрепались, мантия была перепачкана так, что уже не поддавалась описанию, на щеке красовалась царапина — кажется, от ветки, когда они продирались через кусты. Но в этот момент Глебу она показалась гораздо красивее, чем утром — с её идеальной укладкой и безупречной осанкой.

— О чём думаешь? — спросил он.

— О том, что я дура.

— Почему?

— Потому что думала, что смогу быть лучшей во всём. В теории, в практике, везде. А на самом деле... — она вздохнула. — Я даже к лесу оказалась не готова. К обычному лесу с обычной нечистью. Я, которая знает наизусть все классификации и может определить вид упыря по форме ушной раковины.

— По форме чего?..

— Ушной раковины. У северного упыря уши заострённые, у южного — округлые. Я знаю такие вещи. Но я не знала, что делать, когда он на меня смотрит. Просто смотрит. И что бесы кусаются. И что мавки не просто красивые девушки, а реально опасные твари, которые лезут в голову.

Она замолчала. Пламя отражалось в её глазах.

— Знаешь, — сказал Глеб после паузы, — я в свой первый раз тоже был не готов.

— Ты?

— Я. Второй курс. Первая поездка с Неонилой Вахтанговной. Я был такой гордый — попал в двадцатку лучших! Думал, что всё знаю, всё умею. А потом оказалось, что я не умею ничего. Я провалился в болото — по пояс. Пока меня вытаскивали, я успел попрощаться с жизнью. И после этого я сказал себе: «Всё. Больше никогда. Никаких лесов. Никакой нечисти. Перевожусь на теоретический факультет».

— Но не перевёлся.

— Не перевёлся, — согласился Глеб. — Потому что через неделю я понял: то, что я пережил в болоте, — это самое настоящее, что со мной случилось за всё время учёбы. Не лекции, не экзамены, не конспекты. Даже не вызволение призрака декана из двухсотлетнего заточения. А вот это: когда ты стоишь по пояс в грязи, над тобой нависает егерь с багром, а из трясины тянется чья-то склизкая рука. Вот тогда ты узнаёшь, из чего ты сделан.

Наташа долго молчала. Потом тихо сказала:

— А я вот до сих пор не знаю, из чего я сделана.

— Узнаешь. К утру — узнаешь.

Она слабо улыбнулась.

— Ты говоришь как тренер по боевой магии.

— Я просто делюсь опытом.

— Спасибо, — сказала она. — Честно. Я знаю, что я тебя весь день бесила. Удивляюсь, как ты меня терпел.

— Ну... не весь день.

— Большую часть дня. И всю ночь. Но ты всё равно... ты не бросил меня там, на поляне. Хотя мог бы — я бы на твоём месте бросила... тогда.

— Я бы тебя тоже бросил, — с серьезным лицом сказал Глеб, — но у тебя слишком хорошее заклинание против упырей. Пригодится.

Наташа уставилась на него, потом фыркнула.

— Вот, значит, как. Я для тебя — боевая единица.

— Ценный кадр.

— Понятно. — Она покачала головой, но теперь улыбалась уже по-настоящему. — Ладно. Пусть так. Боевая единица готова к дальнейшему маршу. Через пять минут.

— Договорились.

...Они вышли на рассвете.

Солнце ещё не показалось, но небо на востоке уже начало светлеть. Лес поредел, и впереди, за деревьями, угадывался просвет — там, кажется, была просека, а за ней — дорога.

— Ещё немного, — сказал Глеб.

— Я уже не чувствую ног, — пожаловалась Наташа. — Мне кажется, они остались где-то у болота.

— Ничего. На станции отдохнёшь.

— На станции я лягу на скамейку и не встану месяц.

— Поддерживаю.

Они прошли ещё шагов сто. И тут Глеб замер.

Впереди, поперёк тропы, лежало что-то тёмное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.